

НУЛЕВАЯ ВЕТКА

СТАНЦИЯ, КОТОРОЙ НЕТ

Марк Алтерн

Нулевая ветка: Станция, которой нет

<https://litres.ru/74265327>

SelfPub; 2026

Аннотация

В московском метро есть станция, которой нет ни на одной схеме. Она появляется после полуночи, а поезд без номера увозит пассажиров туда, откуда невозможно вернуться обычным путём.

Получив билет, принадлежавший его пропавшему отцу, главный герой попадает на Нулевую ветку — тайный маршрут между забытыми версиями Москвы. Вместе с загадочной Верой Рудневой он отправляется на поиски Архива отменённых городов, где может храниться правда об исчезновении отца.

Но каждая остановка меняет реальность, а проводники ветки готовы на всё, чтобы сохранить её тайну. Теперь герою предстоит выяснить, какая Москва настоящая, и решить, чем он готов пожертвовать ради возвращения домой.

Марк Алтерн
Нулевая ветка:
Станция, которой нет

Глава 1

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАН НУЛЕВАЯ ВЕТКА

Станция, которой нет

Город можно стереть с карты. Труднее заставить его исчезнуть.

АЛТЕРН МАРК

Городское фэнтези · Научная фантастика

Глава 1. Поезд без номера

В 00:07 станция исчезла из города. Она всё ещё была вокруг Артёма Ланского: матовая плитка под ногами, редкие лампы под сводом, чёрное стекло тоннеля. Но на диагностическом планшете две линии метро сомкнулись, заняв место служебной платформы «Вернадская-3». Название пропало. Номер объекта тоже.

Артём перезапустил систему. Планшет подумал и сообщил: «Объект не найден». Фраза показалась почти оскорбительной. Он стоял посреди этого объекта, чувствовал сухой холод от рельсов и видел собственную тень на стене.

— Диспетчерская, ответьте. Потеря телеметрии по третьей платформе.

Наушник молчал. Не было даже обычного сетевого шороха.

«Вернадскую-3» построили двадцать лет назад и ни разу не открыли для пассажиров. По документам здесь собирались сделать пересадку, затем проект заморозили, а платформу превратили в испытательный участок. Девять лет назад в северном тоннеле пропал инженер Сергей Ланской. Комиссия признала причиной нарушение регламента. Артём, которому тогда было семнадцать, прочитал заключение тридцать четыре раза и не поверил ни одному слову.

Сегодня в 23:41 на его рабочую почту пришёл пакет диа-

гностики с учётной записи отца. Внутри была одна строка: «Будь на третьей платформе до нуля семи».

Сначала Артём решил, что это чья-то жестокая шутка. Затем проверил служебную подпись. Ключ был настоящий — старый, отозванный после закрытия расследования и с тех пор хранившийся в архиве департамента. Подделать его было почти невозможно. Вернуть из архива — ещё труднее.

Он никому не сообщил о письме. Взял ночную смену у коллеги, спустился на платформу и до назначенного времени проверил всё, что поддавалось проверке: кабели, аварийное питание, датчики движения, даже пыль на краю рельса. Пыль лежала ровно. Ни один человек не входил в тоннель.

Теперь связи не было, выход со станции не открывался, а электронный план утверждал, что самого Артёма тоже нет.

На настенной схеме дрогнули цветные линии. Между синей и кольцевой проступила тонкая чёрная ветвь. Она не соединялась с остальными, однако Артём сразу понял, что поезд уже движется по ней. На схеме зажглась единственная станция: «Нулевая».

В тоннеле появился свет. Не луч фар, а ровное белое пятно, словно там открыли дверь в зимний день. Из него вышел состав без номера. Вагоны были тёмными, с узкими окнами; вместо маршрутного указателя светился пустой круг. Поезд остановился напротив Артёма без скрежета, без ветра, почти без ощущения движения.

Двери раскрылись. На пороге стояла женщина в сером

форменном пальто. Лет сорока, может быть старше; в её лице не было ничего примечательного, кроме спокойствия, совершенно неуместного на исчезнувшей станции. Под мышкой она держала потёртую кожаную папку.

— Артём Сергеевич?

— Кто вы?

— Вера Руднева. Я работала с вашим отцом. Нам нужно уехать до нуля двенадцати.

Она протянула папку. В нижнем углу были вытиснены буквы «С. Л.». Артём провёл большим пальцем по неровной коже. Царапину у застёжки он помнил: отец всегда открывал папку одной рукой, задевая кольцом металл.

— Где он?

— Если бы я знала, мне не понадобились бы вы.

За спиной Веры горел пустой вагон. Свет был старомодным, тёплым, и от этого чёрные окна казались ещё глубже.

— Что произойдёт в ноль двенадцать?

— Город восстановит непротиворечивость. Платформа перестанет существовать окончательно.

— А я?

Вера посмотрела на исчезнувший знак станции.

— Системы не любят остаточных данных.

На белой табличке над выходом пропала последняя буква. Затем стёрлась стрелка. Швы между плитами у лестницы начали сглаживаться, будто стену покрывали свежим слоем краски. Но краски не было: исчезали не предметы, а раз-

личия между ними. Сначала ступени превратились в серый склон, потом растворилась металлическая дверь диспетчерской.

Артём раскрыл папку. На первой странице лежала схема Москвы, начерченная рукой отца. От каждой знакомой линии отходили десятки тонких ответвлений. Одни обрывались на полуслове, другие уходили за край листа. В центре стояла пометка: «Архив не хранит прошлое. Он хранит отменённое».

— Объясните, — сказал Артём.

— В вагоне.

Серая пустота уже добралась до часов. Цифры показывали 00:10, когда исчезло стекло, затем стрелки, затем сам круг циферблата. Артём шагнул через порог. Двери закрылись, отделив его от места, которого больше не было на карте.

Поезд тронулся. За окнами не возник тоннель. Там проходили другие города — один поверх другого, как плохо совмещённые чертежи. В одной Москве река текла над крышами в прозрачном русле. В другой башни медленно меняли места, освобождая улицам дорогу. В третьей не было ни машин, ни проводов: сквозь пустые проспекты рос тёмный лес.

Артём приблизился к стеклу. Изображение не напоминало запись: на окне оставался его слабый силуэт, а далёкие деревья заслоняли друг друга при движении поезда. Он заметил дом, похожий на тот, где прошло его детство, только вместо двора за ним начиналась вода. На берегу стоял маль-

чик в красной куртке и смотрел прямо на поезд. Через секунду город ушёл назад.

— Это варианты? — спросил Артём.

— Возможности, от которых отказались. Большинство исчезает бесследно. Некоторые сопротивляются. Тогда за ними приходит Нулевая ветка.

— Куда она их увозит?

Вера кивнула на табло над дверью. Вместо списка остановок там горела одна надпись: «АРХИВ-ГЛАВНЫЙ». Ниже шёл обратный отсчёт — сорок три минуты.

— Ваш отец выяснил, что в Архив начали отправлять действующие города, — сказала она. — Не ошибки и не черновики. Целые миры. Москва следующая. Он пытался остановить состав и исчез вместе с первой группой.

— Почему письмо пришло мне?

— Потому что он оставил вам ключ.

Вера указала на папку. Между страницами был спрятан тонкий лист кальки. Артём развернул его и увидел план поезда: двенадцать вагонов, машинное отделение и отмеченный красным узел между первым и вторым вагонами. Рядом отец написал: «Разрыв до границы Архива. После — поздно».

— Это не ключ, — сказал Артём. — Это схема.

— Для обычного поезда — да.

— А для этого?

— Карта и есть механизм. Главное — знать, какую линию

провести.

Состав прибавил ход. За окном одна Москва сменяла другую, но в каждом городе на мгновение появлялась та же чёрная линия — на картах, на фасадах, в отражениях воды.

Артём перелистнул кальку. На обороте обнаружилась ещё одна запись, сделанная торопливо, с сильным нажимом:

«Если тебя встретит Вера Руднева, не верь ей. В нашей группе не было человека с таким именем. Если она скажет, что работала со мной, значит, Нулевая ветка уже научилась лгать».

Он перечитал записку дважды. Затем сложил кальку так, чтобы надпись оказалась внутри, и убрал её в папку.

Вера сидела напротив, положив руки на колени. Она не могла видеть текст, но по выражению лица Артёма всё поняла.

— Он всё-таки оставил предупреждение, — сказала она.

— Значит, вы знали.

— Догадывалась.

— Кто вы?

Вера ответила не сразу. За её плечом проплывал город, где снег шёл снизу вверх и исчезал в низких облаках. Тёплый свет вагона не менялся, но Артёму вдруг стало холоднее, чем на платформе.

— Я помню Сергея Ланского, — сказала она. — Помню, как он спорил с руководителем группы, как чертил эту схему и как обещал вернуться к сыну до утра. Помню вещи, кото-

рых не должно быть в моей памяти. Этого вам пока достаточно.

— Мне решать, достаточно или нет.

— Не в этом поезде.

Артём поднялся. Он был выше Веры, но её спокойствие не дрогнуло.

— Мой отец написал, что вас не существовало.

— Девять лет назад он был уверен именно в этом.

— А потом?

— Потом начал сомневаться. Здесь это единственная честная форма знания.

Артём повернулся к двери. В конце вагона находился переход в следующий отсек — матовое стекло, металлическая рама, зелёная кнопка. Он нажал её. Ничего не произошло.

— До первого вагона одиннадцать переходов, — сказал он. — Если разрыв находится между первым и вторым, почему мы стоим?

— Потому что двери открываются только на станциях.

— Вы сказали, что станция одна.

— Я сказала, что на табло указана одна.

Будто услышав её, надпись «АРХИВ-ГЛАВНЫЙ» погасла. Обратный отсчёт остановился на 38:16. Несколько секунд табло было пустым, затем по нему пробежала тонкая красная строка:

«СЛУЖЕБНАЯ ПРОВЕРКА. СОХРАНЯЙТЕ МЕСТА».

В вагоне стало тише. Артём не сразу понял, что исчез стук

колёс, хотя до этого был уверен: поезд двигался бесшумно. Значит, звук всё-таки существовал — на самой границе слуха, как работающий за стеной трансформатор. Теперь исчез и он.

— Что за проверка? — спросил Артём.

Вера встала.

— Не отвечайте, если вас попросят подтвердить имя.

— Кто попросит?

— Не говорите «да». Не произносите дату рождения. И что бы вы ни увидели, не отдавайте папку.

Состав замедлился. За окном возникла платформа, освещённая рядами молочно-белых ламп. На стене повторялось название: «ПАРК ПОБЕДЫ — 7». Плитка была знакомой, но перспектива уходила слишком далеко, словно станцию строили для города в несколько раз больше Москвы. На скамьях сидели люди. Они не двигались и не смотрели на приближающийся поезд.

— Это ещё одна возможность?

— Была ею.

Поезд остановился. Двери вагона открылись одновременно с переходом в следующий. Вера схватила Артёма за рукав и потянула к межвагонной двери.

С платформы вошёл человек в тёмной форме. Ни фуражки, ни знаков отличия; только узкая серебряная полоска на воротнике. В правой руке он держал старый билетный компостер. Человек выглядел настолько обычно, что взгляд не

мог за него зацепиться. Артём отвёл глаза — и сразу перестал помнить цвет его волос.

— Документы для проверки, — произнёс вошедший.

Голос звучал не громко, но повторился во всех динамиках вагона.

Вера нажала зелёную кнопку перехода. Дверь разошлась на ладонь и замерла.

— Почему она не открывается?

— В вагоне есть незарегистрированный пассажир.

Проверяющий сделал шаг. Компостер щёлкнул.

На стене рядом с Артёмом исчез номер вагона. Остался более светлый прямоугольник, но через мгновение пропал и он. Проверяющий перевёл прибор на сиденье. Новый щелчок — и металлическая скамья стала короче, будто её всегда делали на два места.

Артём понял правило. Прибор не разрушал вещи. Он подтверждал версию мира, в которой их никогда не было.

— Документы, — повторил проверяющий. — Назовите себя.

— Не отвечайте, — сказала Вера.

— Вера Константиновна Руднева, сопровождающая Архива, — произнёс человек. — Ваш статус истёк восемь лет, одиннадцать месяцев и четыре дня назад. Подтвердите продолжение полномочий.

Вера молчала.

— Подтвердите.

Компостер снова щёлкнул. Серебряная пуговица на её пальто стала серой, слилась с тканью и исчезла. Вера отступила к переходу.

Артём открыл папку. На внутренней стороне обложки отец мелко записал последовательность цифр: 3—1—4—1—5. Сначала Артём принял её за начало числа π — привычную шутку инженера. Теперь он заметил рядом пять едва различимых точек.

На панели двери было двенадцать винтов, расположенных как станции на схеме вагона. Артём нажал третий, первый, четвёртый, снова первый и пятый. Винты не двигались, но под пальцами возникла слабая вибрация.

Зелёная кнопка погасла. Вместо неё на стекле проявилась чёрная окружность.

— Что вы сделали? — спросила Вера.

— Пока не знаю.

Проверяющий повернул голову. На этот раз Артём увидел его лицо ясно — и пожалел об этом. Не потому, что оно было страшным. Наоборот, это было лицо человека, которого Артём встречал сотни раз: в вагоне утром, в очереди, в коридоре управления. Знакомые черты складывались в незнакому комбинацию. Мозг узнавал каждого по отдельности и никого целиком.

— Артём Сергеевич Ланской, — произнёс проверяющий.

Имя прозвучало из динамиков, с платформы и будто из стен самого вагона.

— Не подтверждайте, — сказала Вера.

— Ваш объект регистрации удалён в ноль часов двенадцать минут. Причина нахождения в составе?

Артём смотрел на чёрный круг. По краю окружности проступили тонкие деления. Это была не кнопка, а маршрутный диск — такой же пустой знак светился на носу поезда.

В папке лежала карта с десятками ветвей. Артём приложил кальку к стеклу. Линии плана вагона совпали с винтами панели, а отмеченный красным узел оказался точно в центре чёрного круга.

«Карта и есть механизм».

Он повернул кальку. При одном положении красная линия соединяла текущий вагон с соседним. При другом уходила в сторону, за край схемы. Артём выбрал второй вариант и прижал лист ладонью.

Чёрный круг наполнился белым светом.

Поезд дёрнулся. На платформе погасла половина ламп. Люди на скамьях одновременно подняли головы, но ни один не посмотрел на вагон — все повернулись в противоположную сторону, туда, где в стене открывался тоннель.

Проверяющий сделал ещё шаг.

— Несанкционированное изменение маршрута. Подтвердите личность для составления акта.

— Вы серьёзно собираетесь спорить с ним о правилах? — спросил Артём.

— Я надеялась, что до этого не дойдёт.

— Тогда держите карту.

Он передал Вере папку, упёрся обеими руками в стеклянную дверь и надавил. Чёрный круг под ладонью оказался холодным. Свет внутри него дрогнул, будто вода от брошенного камня. Створки разошлись ещё на несколько сантиметров.

Проверяющий поднял компостер.

Вера открыла папку и быстро провела пальцем по схеме.

— Красную линию влево, — сказала она. — До серой отметки.

— Там нет отметки.

— Появится, если не смотреть прямо.

Совет звучал нелепо, но Артём уже понял, что здесь полезнее нелепость, которая работает, чем разумное действие, подтверждающее правила поезда. Он перевёл взгляд на отражение в стекле. В нём план выглядел иначе: между двумя вагонами действительно проступала серая риска.

Артём сдвинул кальку.

Дверь распахнулась. За ней не было соседнего вагона.

В проёме находился короткий коридор с зелёными стенами, тусклой лампой и дверью, на которой висела табличка «Технический архив. 1986». Пахло бумагой и старой краской.

— Это не поезд, — сказал Артём.

— Сейчас — нет. Быстрее.

Они шагнули в коридор. Проверяющий щёлкнул компо-

стером, и край дверного проёма побледнел. Вера выдернула кальку из-под ладони Артёма. Створки сомкнулись, оставив человека в форме по другую сторону.

Коридор качнулся. Где-то за стенами загрохотали колёса.

— Мы вернулись в метро?

— Мы заняли воспоминание поезда о помещении, которое когда-то находилось рядом с этой линией, — сказала Вера. — Ненадолго.

— Поезд помнит коридоры?

— Поезд помнит всё, что было нанесено на карту.

В конце прохода обнаружилась лестница. Она вела вниз, хотя по устройству станции там должен был находиться грунт. На каждой ступени стоял год: 1986, 1985, 1984. Артём посветил фонарём в пролёт. Цифры уменьшались, уходя в темноту.

— Нам не туда, — сказала Вера. — Если спустимся слишком глубоко, попадём в город до строительства линии. Обратно можно не найтись.

Она приложила папку к двери технического архива. Буквы «С. Л.» на коже коротко засветились, и замок открылся.

За дверью оказался второй вагон. Только теперь он был заполнен.

На сиденьях лежали предметы: школьный портфель старого образца, белый дорожный указатель с названием незнакомой улицы, театральная маска, связка ключей, детский воздушный змей. Между ними оставались пустые места,

очертаниями похожие на сидящих людей. Обивка прогибалась под невидимым весом.

Артём остановился.

— Здесь кто-то есть?

— Остатки пассажиров.

— Людей?

— Историй о них. Не прикасайтесь.

Из динамика под потолком раздался голос проверяющего:

— Незарегистрированный пассажир покинул вагон номер двенадцать. Начата сверка состава.

Над дверью загорелась схема поезда. Двенадцатый вагон мигал красным. Через несколько секунд красным стал одиннадцатый.

— Он идёт за нами, — сказал Артём.

— Не совсем. Он проверяет все версии маршрута одновременно. Если задержимся, коридор, которым мы прошли, будет признан ошибкой.

— И нас исправят?

— Нас не окажется в том месте, где мы сейчас стоим. Разница невелика.

Они пошли вперёд. Переход в следующий вагон открылся сам, едва Вера поднесла папку. Здесь вместо сидений стояли металлические стеллажи с картами. На корешках были напечатаны названия городов и даты. Некоторые названия Артём знал, другие выглядели знакомыми, но неправильными: Ленинград-на-Москве, Южный Петербург, Новая Коломна.

На одной коробке значилось: «Москва. Кольца: 1–9. Статус: принято».

Артём снял коробку.

— Не трогайте, — сказала Вера.

Он уже открыл крышку.

Внутри лежала сложенная карта нынешней Москвы. Артём развернул её на полу. Улицы, дома, станции — всё было на месте. Только от окраин к центру ползла бледная сетка, похожая на иней. Районы, которых она касалась, теряли подписи.

На северо-западе уже исчезло название одной улицы. Артём знал её: час назад он проезжал там на служебной машине. Теперь не мог вспомнить, как она называлась.

Он закрыл глаза. В памяти остались светофор, аптека на углу, мокрый асфальт — всё, кроме слова.

— Москва уже в составе, — сказал он.

Вера опустила рядом с картой.

— Не вся. Это предварительная копия.

— Вы сказали, она следующая.

— Я сказала правду.

— Не всю.

— Всю правду здесь нельзя произнести сразу. Поезд слушает связи между словами.

Красным загорелся десятый вагон.

Артём свернул карту и вернул её в коробку.

— Сколько времени?

Вера посмотрела на табло. Отсчёт возобновился: 31:02.

— До границы Архива — чуть больше получаса. До окончания сверки — намного меньше.

Они прошли в девятый вагон. За окнами больше не было городов. По обе стороны состава тянулись гигантские листы бумаги, покрытые чертежами. По ним двигались чёрные точки — поезда или буквы, различить было невозможно. Иногда один лист сворачивался, и целая сеть линий исчезала из вида.

Артём начал замечать закономерность. Каждый переход соответствовал не расстоянию, а слою карты. Двенадцатый вагон отвечал за пассажиров, одиннадцатый — за память, десятый — за названия. Чем ближе к голове поезда, тем глубже находилась причина, по которой город считался существующим.

— Первый вагон управляет маршрутом? — спросил он.

— Первый управляет выбором.

— Каким?

— Что оставить действительностью, а что отправить в Архив.

— И мой отец добрался туда?

— Да.

— Откуда вы знаете?

Вера не ответила.

Красным стал девятый вагон.

Дверь впереди не открылась. На стекле появился

текст: «ПРОХОД ТОЛЬКО ДЛЯ ЗАРЕГИСТРИРОВАННЫХ ПассажиРОВ».

— У вас истёк статус, у меня его никогда не было, — сказал Артём. — Что дальше?

Вера достала из кармана круглый жетон. Он был матово-чёрным и без надписей.

— Дальше вы должны решить, готовы ли использовать вещь, которую оставил отец.

— Папку?

— Имя.

Она приложила жетон к стеклу. Появилось поле: «ПАС-САЖИР».

— Если вы впишете имя Сергея Ланского, поезд примет вас за продолжение его маршрута. Двери откроются до первого вагона.

— А что станет с его маршрутом?

— Он завершится вашим.

— То есть поезд решит, что мы один человек?

— Не человек. Одна причина.

Артём вспомнил письмо с отцовской учётной записи. Настоящий ключ, невозможное сообщение, станция, ожидавшая именно его. Всё было устроено так, чтобы он принял чужую незавершённую линию.

— Вы знали, что я приду.

— Я надеялась.

— Это не ответ.

— Другого у меня нет.

Из девятого вагона донёсся щелчок. На схеме красная отметка приблизилась к двери.

В окне позади них появился проверяющий. Он шёл по вагону с картами, и после каждого щелчка исчезала одна коробка. Не падала, не рассыпалась — место на полке просто становилось пустым. С каждым исчезнувшим названием выражение лица Веры менялось, будто она узнавала потерю, но не позволяла себе остановиться.

— Если мы ничего не сделаем, — сказал Артём, — он дойдёт до нас.

— Да.

— Если впишу имя отца, могу стереть его путь.

— Или продолжить.

— А если впишу ваше?

Вера впервые растерялась.

— Моё имя система не примет.

— Проверим.

Артём взял жетон. Поверхность казалась гладкой, но под пальцем оставался светлый след, как на запотевшем стекле. Он написал: «ВЕРА РУДНЕВА».

Буквы погасли.

Дверь не открылась.

Проверяющий вошёл в вагон.

— Я предупреждала, — сказала Вера.

— Вы сказали, система не примет имя. Но она его прочи-

тала.

На стекле появилось новое сообщение:

«ПАССАЖИР ВЕРА РУДНЕВА УЖЕ НАХОДИТСЯ В ПЕРВОМ ВАГОНЕ».

Вера побледнела.

— Этого не может быть.

— Здесь это плохой аргумент.

Проверяющий поднял компостер.

Артём снова приложил жетон и написал собственное имя. Он не подтвердил его голосом, не назвал дату рождения — просто оставил линию на поверхности. Система замерла, словно сравнивала две несовместимые записи.

«ПАССАЖИР АРТЁМ ЛАНСКОЙ. МАРШРУТ НЕ НАЗНАЧЕН».

Под сообщением появилась схема из трёх ветвей. Одна вела к Архиву, вторая обрывалась, третья возвращалась к Москве, но была перечёркнута.

Артём достал кальку, совместил её с линиями на стекле и увидел, что отцовская красная отметка лежит точно на перечёркнутом пути.

— Он не оставил мне свой маршрут, — сказал Артём. — Он оставил незаконченный перевод стрелки.

Проверяющий щёлкнул компостером.

Край кальки стал прозрачным. Красная линия исчезала от угла к центру.

Артём провёл пальцем по перечёркнутой ветви. Стекло

сопротивлялось, будто под ним лежал тугой металл. Он нажал сильнее и довёл линию до обозначения первого вагона.

Весь поезд содрогнулся. За окнами листы чертежей разлетелись в стороны, открыв пространство, наполненное светящимися линиями. Состав перескочил с одной на другую.

Дверь распахнулась.

— Вперёд! — сказала Вера.

Они шагнули в восьмой вагон. Створки закрылись перед проверяющим, но его компостер успел щёлкнуть. Чёрный жетон в руке Артёма исчез. Имя на двери осталось.

Следующие переходы открывались один за другим. Поезд принял новый маршрут, и теперь вагоны менялись быстрее, чем Артём успевал их рассмотреть.

В восьмом стояли часы, показывающие разное время. В седьмом под стеклом хранились голоса: тихие фразы звучали, когда рядом проходил человек. В шестом тянулись пустые книжные полки, и на каждой проступала первая строка ненаписанной книги. В пятом не было ничего, кроме дверей — сотен дверей в стенах, полу и потолке.

Красная отметка на схеме следовала за ними.

— Он не отстаёт, — сказал Артём.

— Проверяющий не может отстать. Он не человек, который идёт по вагонам. Он правило, которое применяется к составу.

— Правила можно обойти.

— Ваш отец тоже так говорил.

— И дошёл до первого вагона.

— Да.

— Значит, был прав.

Они вошли в четвёртый вагон. Здесь свет погас. На полу горела карта Москвы — тонкие золотистые линии улиц, голубая дуга реки, цветные окружности станций. По краям города расплзалась знакомая бледная сетка. Теперь она двигалась заметно.

Каждый шаг по полу отзывался изменением карты. Артём наступил на участок северной линии, и одна станция мигнула. Он отёрнул ногу.

— Осторожно, — сказала Вера. — Это действующая копия.

— Мы идём по городу?

— По его связям.

За спиной щёлкнул компостер.

На карте погасла улица. Затем ещё одна.

Проверяющего не было видно, но его правило уже действовало в вагоне.

Артём развернул отцовскую кальку. На ней план поезда пересекался с картой Москвы. Красный узел между первым и вторым вагонами совпадал с «Вернадской-3».

— Наша платформа — это соединение, — сказал он. — Не станция. Стрелка между Москвой и Архивом.

— Именно поэтому её не открыли для пассажиров.

— Отец строил Нулевую ветку?

— Он помогал её искать.

— Это разные вещи.

— Вначале — да.

Сетка на карте приблизилась к центру. Артём заметил, что она движется не равномерно: быстрее там, где исчезали названия в вагоне с коробками. Проверяющий стирал не архив. Он освобождал место для новой копии Москвы.

— Он не преследует нас, — сказал Артём. — Он готовит состав.

Вера посмотрела на карту.

— Тогда времени меньше, чем я думала.

Табло показало 24:39.

Они пересекли вагон, выбирая пустые участки между улицами. У двери в третий вагон Артём услышал голос отца.

— Не спеши, — сказал Сергей Ланской совсем рядом. — Сначала проверь, куда открывается дверь.

Артём замер.

Фраза была обычной. Отец часто повторял её в детстве, когда учил его читать схемы: дверь на плане могла вести в комнату, а могла обозначать шкаф, выход или технологическую нишу. Сначала проверь, куда она открывается.

— Это запись? — спросил Артём.

— В седьмом вагоне остались голоса, — сказала Вера. — Некоторые следуют за теми, кто их помнит.

— Значит, поезд использует мою память.

— Или ваша память использует поезд.

Артём не нажал кнопку. Он посмотрел на петли. Дверь должна была открыться к ним, но стрелка на кальке указывала в обратную сторону.

Он потянул створку на себя. За ней оказался узкий обходной проход.

В основном проёме на мгновение возникла белая пустота. Если бы Артём вошёл туда по привычке, следующего шага могло не быть.

— Спасибо, — тихо сказал он, не зная, кому именно.

Они прошли по обходу. В стенах шли толстые кабели, хотя у поезда не было видимого источника энергии. На каждом кабеле повторялись названия городов. Некоторые были перечёркнуты, некоторые пульсировали мягким светом.

Один кабель носил название «МОСКВА». Он был тёплым.

Вера приложила к нему ладонь и сразу отняла.

— Копирование началось.

— Можно отключить?

— В первом вагоне.

— Там уже находится другая Вера Руднева.

— Или та, которую поезд считает настоящей.

— А вы?

Она посмотрела на свои руки, словно впервые увидела их.

— Я сошла на «Вернадской-3» девять лет назад вместе с вашим отцом. Через семь минут состав ушёл, а я осталась. Я помню все эти годы. Но ни одна городская система не хранит

моих документов, адреса или лица. Для Москвы меня нет.

— Поэтому отец вам не поверил.

— Поэтому я сама не знаю, должен ли он был верить.

В конце обхода находилась дверь второго вагона. На ней не было кнопки. Только два углубления для ладоней.

— Вместе, — сказала Вера.

Они приложили руки. Створка открылась.

Второй вагон напоминал машинный зал. Вдоль стен вращались прозрачные цилиндры, заполненные тонкими лентами карт. Линии входили в них с одного конца и выходили с другого уже изменёнными. Где раньше значилась улица, появлялся пустой участок; где был пустырь, возникал квартал. Механизм не создавал город — он редактировал согласие между картой и памятью.

В центре стоял красный рычаг. Над ним отец написал маркером: «НЕ РАЗРЫВАТЬ ДО ОТМЕТКИ».

Подпись была свежей.

Артём коснулся чернил. Они не успели высохнуть полностью.

— Он здесь, — сказал Артём.

— Или был несколько минут назад.

На стене загорелось: 19:08.

Позади открылась дверь. Проверяющий вошёл в машинный зал.

Теперь его форма была другой — светло-серая, как у сотрудника городского архива. Лицо тоже изменилось. Артём

узнал председателя комиссии, которая расследовала исчезновение отца. Тот же высокий лоб, тонкие губы, внимательный взгляд человека, заранее знающего вывод.

— Сергей Ланской нарушил регламент, — произнёс проверяющий голосом из старой записи. — Объективных свидетельств присутствия третьих лиц не обнаружено.

Артём почувствовал, как привычная злость поднимается раньше мысли.

— Вы не он.

— Подтвердите, что Сергей Ланской действовал один. Компостер щёлкнул.

Слова «С. Л.» на папке побледнели.

— Не отвечайте, — сказала Вера.

— Подтвердите вывод комиссии.

Над рычагом исчезла первая буква отцовской надписи.

Артём понял, чего добивается проверяющий. Ему не требовалось имя Артёма. Достаточно было заставить его согласиться с версией, где отец пришёл сюда один. Тогда Вера становилась невозможной, письмо — подделкой, папка — чужой вещью. Весь путь поезда сворачивался к официальному заключению.

— Объективных свидетельств нет, — сказал Артём.

Вера резко повернулась к нему.

Проверяющий поднял компостер.

— Но отсутствие свидетельств ничего не подтверждает, — продолжил Артём. — В вашем выводе нарушена логика.

Тишина продлилась долю секунды.

Механизм в стенах сбился. Одна из лент вышла из цилиндра петлёй.

— Формулировка не распознана, — сказал проверяющий.

— Тогда записывайте точно. Комиссия не доказала, что Сергей Ланской действовал один.

Лицо проверяющего дрогнуло. На месте председателя комиссии на мгновение возникли десятки других лиц.

— Требуется ответ «да» или «нет».

— Это плохой вопрос.

Артём дёрнул красный рычаг до половины. Механизм взвыл, и между первым и вторым вагонами открылся широкий зазор. За окнами пронеслись светящиеся пути.

— Что вы делаете? — крикнула Вера.

— Надпись запрещает разрывать до отметки. Мы ещё не дошли. Значит, рычаг можно подготовить.

Проверяющий шагнул вперёд.

Артём перевёл рычаг ещё на деление. Пол под ногами накренился. Компостер выскользнул из руки проверяющего, но не упал: завис в воздухе, продолжая щёлкать.

Каждый щелчок стирал часть машинного зала. Исчез поручень. Погас один цилиндр. Пропала половина предупреждающей надписи.

Вера бросила папку Артёму и схватилась за рычаг.

— В первый вагон! Я удержу соединение.

— Если вы останетесь, проверка доберётся до вас.

— Она уже добралась девять лет назад.

Артём хотел возразить, но увидел, что дверь впереди открыта. За ней находился первый вагон.

Он шагнул через переход.

Первый вагон был намного больше остальных. Его стены уходили вверх и терялись в темноте. На полу лежала карта, охватывающая не один город, а тысячи: слои улиц, рек и границ мерцали друг сквозь друга. Над ними висели прозрачные таблички с названиями. Одни горели ярко, другие едва различались.

В центре стоял круглый пульт. За ним сидела женщина в сером форменном пальто.

Вера Руднева.

Она выглядела старше той, что осталась у рычага. Волосы были короче, в плечах чувствовалась усталость, но лицо оставалось тем же.

— Наконец-то, — сказала она. — Сергей был уверен, что вы догадаетесь.

Артём не опустил папку.

— Где мой отец?

Женщина указала за его спину.

У противоположной стены находилась стеклянная кабина. Внутри, над раскрытой схемой, склонился мужчина в рабочей куртке. На рукаве белела эмблема городского транспорта старого образца.

Артём не видел отца девять лет, но узнал сразу: по тому,

как он держал карандаш, как прижимал край карты локтем, как слегка наклонял голову, сравнивая две линии.

— Папа.

Мужчина поднял глаза.

За спиной Артёма грохнул переход. Молодая Вера вошла в первый вагон, всё ещё удерживая рычаг обеими руками. Проверяющий остановился в дверях. Две Веры увидели друг друга.

Отец подошёл к стеклу.

Он не изменился. Ни одной новой седой пряди, ни одной лишней морщины. Для него девять лет не прошли.

— Артём? — произнёс Сергей Ланской.

Голос почти не был слышен через стекло, но Артём понял каждое слово.

Сергей посмотрел на папку в руках сына, затем на двух женщин в серых пальто. Его лицо стало напряжённым.

— Ты не должен был сюда попасть.

— Я получил твоё письмо.

Отец медленно покачал головой.

— Я не отправлял письма.

По вагону прошла вибрация. Все карты одновременно повернулись к одной точке.

На главном табло вспыхнула надпись:

«МОСКВА. КОПИРОВАНИЕ НАЧАТО: 1%».

Проверяющий снова поднял руку, и невидимый компостер щёлкнул.

Сергей ударил ладонью по стеклу.

— Не называй ему своё имя! — крикнул он.

Артём посмотрел на табло. Цифра сменилась:
«2%».

Поезд продолжал идти, хотя теперь Артём понимал: он двигался не к Москве.

Он уже двигался сквозь неё.